

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Максим МАКАРЫЧЕВ

**Александр
МАЛЬЦЕВ**

Максим Александрович Макарычев
Александр Мальцев
Серия «Жизнь замечательных людей»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3928255
Александр Мальцев: Молодая гвардия; М.; 2010
ISBN 978-5-235-03393-1

Аннотация

Книга посвящена прославленному советскому хоккеисту, легенде отечественного хоккея Александру Мальцеву. В конце 60-х и 70-е годы прошлого века это имя гремело по всему миру, а знаменитые мальцевские финты вызывали восхищение у болельщиков не только нашей страны, но и Америки и Канады, Швеции и Чехословакии, то есть болельщиков тех сборных, которые были биты непобедимой «красной машиной», как называли сборную СССР во всем мире. Но это книга не только о хоккее. В непростой судьбе Александра Мальцева, как в капле воды, отразились многие черты нашей истории – тогдашней и сегодняшней. Что стало с легендарным хоккеистом после того, как он ушел из московского «Динамо»? Как сложилась его дальнейшая жизнь? Что переживает так называемый большой спорт, и в частности отечественный хоккей, сегодня, в эпоху больших денег и миллионных контрактов действующих игроков?

Ответы на эти и многие другие вопросы читатель сможет найти в книге писателя и журналиста Максима Макарычева.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
Глава первая	16
Глава вторая	27
Глава третья	39
Глава четвертая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Максим Александрович Макарычев Александр Мальцев

Предисловие

Александр Николаевич Мальцев, безусловно, один из самых любимых в нашей стране представителей славной плеяды хоккеистов – творцов выдающихся побед сборной СССР в 1960–1980-е годы. Для этой команды катастрофой было любое место, кроме первого.

Но даже в россыпи хоккейных звезд имя Мальцева стоит особняком. Один из самых техничных игроков в истории мирового хоккея, нападающий московского «Динамо» и сборной СССР старался превратить каждый свой выход на лед в праздник. Он полюбился болельщикам за нестандартные игровые решения, за изящное катание и неповторимые броски. Рекордсмен московского «Динамо» по количеству голов и передач, он не изменил столичному клубу, выступая за него 17 лет. Не случайно, что для болельщиков хоккейного «Динамо», ведущего свою историю с 1946 года, Александр Мальцев – «наше всё». Достаточно увидеть, как горячо встречают выдающегося хоккеиста во время его появле-

ния в «Лужниках».

Книга об А. Н. Мальцеве, подготовленная писателем и обозревателем «Российской газеты» Максимом Макарычевым, выходит в серии «ЖЗЛ: Биография продолжается...» издательства «Молодая гвардия», в которой обычно публикуются жизнеописания выдающихся политиков и деятелей искусства. На то, что издательство приняло решение выпустить биографию хоккеиста, во многом повлияла исключительность личности Мальцева, выросшего в далекой российской глубинке и ставшего игроком мирового уровня.

Максим Макарычев детально прослеживает весь жизненный путь игрока: от тренировок в лютую стужу школьника Саши Мальцева в родном Кирово-Чепецке до наших дней. Книга изобилует любопытными и неизвестными фактами из жизни Мальцева, высказываниями о нем его многочисленных партнеров по клубу и сборной. Написана она живым и легким языком. Книга будет особенно интересна начинающим спортсменам, показывая, что великим игрока делает не только талант, но и исключительное терпение и труд.

*Рашид Нургалиев,
министр внутренних дел РФ,
председатель попечительского совета
ОГО ВФСО «Динамо»,
председатель попечительского совета
ОХК «Динамо»*

Пролог

Великий тренер Анатолий Тарасов называл его «Есениным русского хоккея». «Моцарт на льду», «Паганини с клюшкой» – таких эпитетов удостаивался Александр Николаевич Мальцев от журналистов и простых поклонников этой удивительной игры. Элегантность, изящество, легкость и красота – эти черты Мальцев привнес в мужественную борьбу настоящих атлетов на ледовой площадке. «Сашка играл красиво, а кто не любит красоту? – задается вопросом многолетний партнер Мальцева по сборной СССР, ее капитан Борис Михайлов. – Требовательный Тарасов учил нас: “Настоящий хоккеист должен хорошо играть и видеть блондинку, сидящую во Дворце спорта в четвертом ряду”. Так вот, Саша видел двух блондинок. Почему? Потому что он – Есенин».

Хоккей для Мальцева был не просто одним из видов спорта, а искусством. Чего стоит одно высказывание известного советского комментатора Виктора Набутова о его игре: «Мальцев провальсировал между защитниками». И от этого «вальса Мальцева» приходили в шок и трепет лучшие вратари мира.

«Стихи писать я, увы, не умею. Но поэзию любил всегда и стремился найти ее в хоккее, – признавался Александр Мальцев. – Почему среди наших преданных болельщиков

немало известных поэтов? Наверное, потому, что их вдохновляет страстная борьба на ледяной площадке, непримиримое столкновение сильных мужских характеров. Сопереживание трибун – вот главная для меня награда. А если ты чувствуешь, что больше не способен своей игрой взволновать людей, – значит, настало время уходить».

«У одаренных пловцов есть чувство воды. Не знаю, есть ли у хоккеистов это осязаемое чувство льда, но у Александра Николаевича Мальцева, безусловно, было чувство ледового пространства. Настолько он органично вживался во все перипетии игры на хоккейной площадке», – полагает известный телекомментатор Григорий Твалтвадзе.

Александра Мальцева любили вне зависимости от клубных пристрастий. Ему симпатизировали болельщики «Спартака» и ЦСКА, «заклятых» друзей-соперников московского «Динамо», которому Мальцев ни разу не изменил за свою карьеру. «Я видел, как много у “Динамо” болельщиков, и как я мог им изменить? Никуда переходить никогда не думал. Считал и считаю, что если тебя пригласили в клуб, то надо быть преданным ему до конца и закончить карьеру в нем» – так немного непривычно по нынешним временам «шараханий» игроков из команды в команду говорит Мальцев.

Любой матч с его участием из рядового события превращался в праздник. Пожалуй, так искренне, действительно всем народом, живущим на одной шестой части суши, любили разве что Владимира Семеновича Высоцкого, а из

спортсменов – друга Мальцева, армейца Валерия Харламова, и спартаковского футболиста Федора Черенкова. Как в театр «на любимого актера», так и в ледовый дворец люди ходили «на Мальцева».

Чем же он так полюбился тем, кто видел его игру? Все гениальное, как всегда – просто. Александр Мальцев старался играть вдохновенно, с тем непосредственным, «дворовым» мальчишеским куражом, который теряется у большей части талантов на пути во взрослый хоккей. Тот хоккей, который требует одного – «его величества» результата. Когда игрок, пусть даже самый большой талант, лишается возможности импровизации и загоняется тренерами в тактические рамки и схемы.

Я долго пытался понять, что все же выделяло Мальцева из большого количества таких, как он, хоккейных талантов на Руси, крутивших такие же непредсказуемые финты, бросавших «неуловимые» шайбы в самые «паутины» ворот. Потом вдруг озарило – Мальцев, как и его друг Харламов, делал эти вещи с легкой улыбкой. И когда обводил, и когда забивал, и даже тогда, когда его нещадно сбивали на льду. А делать великие по сложности вещи с улыбкой на лице – это удел гениев.

Вспоминаю, что самыми популярными передачами на советском телевидении в 1970-е годы были хоккейные трансляции. В нашей 109-й московской школе на юго-западе Москвы в Мальцева и Харламова были влюблены мальчиш-

ки и девчонки. Мы знали в лицо всех наших хоккейных звезд, вырезали из газет статьи об этих игроках, заметки о сыгранных ими матчах, клеили эти небольшие вырезки в школьные разлинованные тетрадки. Для нас Мальцев и его партнеры по сборной были настоящими небожителями.

Я полюбил этого игрока, когда в декабре 1978 года отец впервые отвел меня в переполненные «Лужники» и сказал: «Смотри, там, на льду, живой Мальцев». Восьмилетний мальчишка родом из Хабаровска, где хоккеем с шайбой предпочитают хоккей с мячом, я первый раз очутился в ледовом дворце под крышей. Был жутко морозный декабрь одной из самых холодных московских зим XX века. И там, в старых добрых «Лужниках», где лед, кажется, был «теплее» лежащего на улице снега, я впервые увидел своего будущего кумира.

Тогда, в конце 1970-х, дворы московских спальных районов «дышали» не выхлопами набитых впритык друг к другу иномарок, а наполнялись той свежестью, которая идет от только что залитого добродушным дворником льда. Едва сделав уроки, мы, мальчишки с московского Юго-Запада, мчались на любимую дворовую коробку через дорогу напротив гостиницы «Салют» и медицинского института, а учтивый дворник, дядя Гриша, просил немного подождать, пока застынет лед. «Чур, я буду Мальцевым! Чур, я буду Харламовым!» – первые счастливицы, выбежавшие на коробку, неважно, в коньках или в валенках, лишь бы с клюшкой,

мы, словно победители из знаменитой песни «АББЫ», получали все. «Наше все» было таким маленьким счастьем. Мы всего лишь бились за право побыть в своем дворе Мальцевым или Харламовым, любимыми хоккеистами нашего народа той эпохи...

Однажды, уже в конце декабря 1979-го, радостный трехклассник, едва придя со школы с отличными отметками в дневнике по итогам второй четверти, я бросил в угол школьный портфель, пусть отдыхает. Ура, каникулы!.. Схватил подаренную отцом клюшку команды мастеров, которую ему однажды во «Внуково» для «сына, который любит Мальцева» вручили хоккеисты минского «Динамо». Впопыхах, даже не взяв коньки, так и не поменяв меховую шапку на вязаную, я помчался на коробку, лишь бы первым получить «право быть Мальцевым». И действительно был там первым, крикнув заветное «Чур». Когда прибежала ребятня и началась игра, я, раньше всех крикнувший «Чур, я буду Мальцевым!», сразу поймал на себе крайне недобрый взгляд мальчишки-акселерата. Шестиклассник, который появился в хоккейной коробке в свитере с нарисованной на ней фамилией «Мальцев», так и не простил мне того, что в тот день я вышел на только что залитый дядей Гришей лед первым. Тогда в продаже не было хоккейных свитеров-«сеток» и мы украшали свои кофты или куртки цифрами, иногда приклеивая, а чаще прикалывая на них булавками номера или фамилии любимых игроков.

В тот день на дворовой площадке «моя игра в Мальцева» закончилась через считанные пять минут. Удар обиженного шестиклассника-акселерата клюшкой, специально, наотмашь по лицу во время столкновения у борта, превратил мою левую бровь в подобие лоскута. Когда я на «автопилоте» вбежал в квартиру, прижимая к лицу мокрую от крови, кажется, насквозь пропитавшуюся ею меховую шапку, два вопроса, которые мне задала мама, касались того, цел ли мой глаз и когда я прекращу бороться с теми, кто сильнее и старше. В отражении в зеркале я иногда смотрю на левую бровь и, видя свой первый мужской шрам, вспоминаю о теплом и уютном детстве, где настоящим счастьем было выйти первым на лед дворовой коробки и крикнуть заветное «Чур, я буду Мальцевым!»...

И надо же такому случиться. Через двадцать с небольшим лет после кровавой драмы на дворовой площадке я брал свое первое интервью у Мальцева. У того человека, которого в детстве считал небожителем...

Сейчас, общаясь с Александром Николаевичем Мальцевым, я могу сказать: «Он – настоящий». Во всем: в своем прошлом, в поступках, в словах, в скупости и правде этих слов, в сегодняшнем отношении к людям и к жизни. Одно из главных качеств Мальцева – это верность. Слову. Чести. Бережно хранимой памяти о тех, кто его воспитал и поставил на ноги. Преданности родному клубу, наконец. Команде «Динамо», в которую он пришел семнадцатилетним парень-

ком и которой служит до сих пор. Мальцев не из тех, кто будет пиарить себя, стремясь попасть в телевизор по случаю и без, как иные его партнеры по сборной. Александр Николаевич молчалив, застенчив и не любит говорить о себе. Он всем и все доказал, и как верно написал о нем один из журналистов, «на льду рассказал о себе больше, чем мог бы рассказать на словах». Как настоящий и талантливый человек, он обладает большой совестью. А потому подчас так грустны его глаза, которыми он смотрит на окружающий мир и сегодняшний хоккей в частности...

Он ракетой ворвался в звездную сборную СССР и призывался в нее 16 лет, вплоть до ухода из спорта в 1984 году. Ему повезло – почти всю хоккейную жизнь Мальцев выступал, наверное, в лучшей хоккейной сборной в истории – сборной СССР 1960–1970-х годов – с игроками, чьи имена вписаны в летопись спортивных достижений XX века. Секрет успеха славной ледовой дружины тех лет объясняет по-мальцевски немногословно и точно: «Все очень просто – мы были сильны духом и счастливы выступать за честь великой страны. Жили одной семьей, в которой делили радость и горе, жили ради нашей страны и болельщиков». Он убежден, что в сборную страны нельзя приводить за руку, как ребенка в детскую спортивную школу. И «там должны играть те, кто искренне хочет отстаивать честь своей страны и оправдать надежды болельщиков».

В русском языке есть прекрасное по звучанию слово –

самородок. Так называют человека с большими природными дарованиями, но без систематизированного образования. То, как владел коньками и клюшкой Мальцев, чье катание на льду было легким, а броски изящными, присуще действительно настоящим самородкам. Он и «вылепил себя сам» на часто заносимой метелями простой ледовой площадке возле дома в родном Кирово-Чепецке, затерявшемся в российской глубинке.

Тарасов, который назвал Мальцева «Есениным русского хоккея», был человеком, далеким от пафоса. Но попал в десятку. И если вдуматься, с Есениным у Мальцева на самом деле много общего. Их роднят не только истинно народные корни, рождение и становление в золотой русской провинции, похожий честный, светлый взгляд, открытая, та самая «сердечная русская душа». Они стали любимцами народа, покорив миллионы людей своей истинностью и подлинностью. И именно в этом они – настоящие самородки, сумевшие не растерять чистоту своего дарования, несмотря на соблазны всех столиц, несмотря на собственные ошибки, клевету и завистников.

Были в жизни Мальцева и горькие минуты, и разочарования, и причиненная недоброжелателями боль. В эти минуты он, по собственному признанию, вспоминал любимые есенинские строки: «Ничего! Я споткнулся о камень, это к завтраму все заживет».

У него свое, прямое, не раз дорого обходившееся ему,

суждение, он говорит начистоту, несмотря на звания и регалии «доброжелателей». Эта та самая народная «сермяжная правда», когда говорят мало, но честно. Теми самыми рублеными словами, в которых таится выстраданная «соль этой земли».

В задачу книги не входило хронологическое перечисление спортивных достижений Александра Мальцева, его «очков, голов, секунд». Это – повествование о настоящем человеке, патриоте своей страны, о великом и непростом времени, в котором ему довелось жить, о легендарной и непобедимой русской хоккейной сборной.

Глава первая

ВОЛШЕБНАЯ МАГИЯ ХОККЕЯ

Те, кто хоть раз побывал на хоккее с шайбой и увидел захватывающую игру на льду профессионалов своего дела, как правило, остаются очарованы вихрем атак на ледовой арене, влюбляются в эту игру раз и навсегда.

Стоп... Впрочем, тот, кто скажет, что хоккей – это игра или просто зрелище, будет не совсем прав. Хоккей – не просто игра. Хоккей – это демонстрация лучших человеческих качеств: доброты и мужества, верности товарищам и нравственной стойкости. «Замечательная игра, – говорил о хоккее Юрий Гагарин, – лучшая из всех, какие я знаю».

Мы с детства помним легендарные строки о том, что трус не играет в хоккей, о тех самых настоящих мужчинах, которые без страха и сомнения ложатся под шайбы, чтобы убедиться свои ворота от голов противника. Кто заставляет их в эти минуты падать на лед? Хоккей – это не просто испытание. Не просто проверка на прочность характера и мужество. Это – своеобразная присяга на верность товарищам, которую ты негласно даешь, вливаясь в хоккейную дружину. «Чем отличается хоккеист, скажем, от теннисиста? – задавался вопросом игрок ЦСКА и сборной Константин Локтев. – Синяки и шишки, полученные в матчах, на хоккеисте должны за-

живать через день-два, иначе он не сможет быть полезен команде».

Знаменитый отечественный спортивный врач Олег Белковский, друг Всеволода Боброва с юношеской поры, десятилетиями отдавший ЦСКА и сборной страны, в свое время сказал удивительную фразу: «Спорт воспитывает настоящего мужчину, бойца. Так вот, в созвездии спортивных дисциплин хоккей – рекордсмен и равных ему нет... Я имею возможность сравнивать атлетическую подготовку спортсменов разных армейских команд, и потому могу решительно утверждать, что хоккеисты – вне конкуренции. Они сильнее, быстрее, крепче, нежели футболисты или мастера водного поло, волейболисты или атлеты, увлекающиеся каким-либо другим видом спорта».

Конечно, физическая подготовка – важнейший элемент в воспитании хоккеиста. Ему нужны универсализм многоборца, хватка и выносливость атлета или ватерполиста – попробуй побегай весь матч в «сорока одежках», в этой почти рыцарской амуниции, сковывающей движения. Хоккеисту нужно быть готовым постоять за себя в кулачном бою, и здесь пригодятся боксерские навыки, в современном хоккее не обойтись без постоянных рывков и спуртов – время вспомнить о беговых упражнениях. Во время игры в хоккей, наконец, у спортсмена задействовано в работе больше групп мышц, чем в футболе.

Но лучшие хоккеисты – это не просто настырные атле-

ты, а настоящие шахматисты, видящие игру на несколько ходов вперед, меняющие мановением своих волшебных рук и клюшки ее ход и течение, мастерски варьирующие скорость бега, паса, обводки. Благодаря своей филигранной технике такие хоккеисты заметно расширяют тактические возможности команды. В этом отношении классическим является пример Александра Мальцева, о котором пойдет речь в этой книге. Не случайно экс-чемпион мира по шахматам Тигран Петросян признавался: «Длится хоккейный эпизод считанные мгновения, а игрок обязан принять за это время решение. Совсем как у шахматистов в блиц-партии. Быстро найти верное решение в сложной ситуации – искусство не только в хоккее или в шахматах. Это каждому пригодится в жизни».

Но чего в хоккее никогда не простят, так это трусости и малодушия. Нелегко привыкать к игре новых товарищей, находить общий язык со «старожилами», но если увидят партнеры стойкость новичка, его умение и готовность бороться с соперником, как бы тяжело ни складывался тот или иной матч, они примут дебютанта как равного. И пусть классом он ниже, пусть не освоил пока всех «секретов» хоккея, его мужество, смелость станут «визитной карточкой» новичка...

* * *

А начиналось все очень просто. В середине XIX века в провинции Онтарио на побережье Великих озер квартиро-

вал английский пехотный полк. Развлечений у служивых, в особенности в «студеную зимнюю пору», было не так уж много. История гласит, что, устав от безделья в одну из холодных зим, солдаты, охочие до спортивных игр, расчистили небольшой участок на замерзшем озере, взяли в руки палки с изгибом и принялись гонять по льду некий прообраз шайбы – пустую консервную банку. Ладно «шайба», но вот воротами служили армейские шапки, которые парни побросали на лед.

Впоследствии банка была заменена на тяжелый мяч, который назывался «шинни». Этими «шинни» летом британцы играли у себя на родине на знаменитых английских газонах, проще говоря, в бенди – хоккее с мячом. «Британские солдаты играли в шинни в порту Кингстона в 1843 году» – такая надпись существует в кингстонском Зале хоккейной славы. Впрочем, на зимних площадках «шинни» часто улетал за поставленные на льду бортики в безбрежную даль ледяного озера. Поэтому впоследствии его заменили обычным куском резины.

Состав участников команд был крайне далек от нынешнего: позабавиться на льду собиралось до пятидесяти человек с каждой стороны. Понятно, что такая «куча-мала» на льду больше порождала неразбериху, чем какие-то осознанные передачи и броски. Роль ворот выполняли два шеста-стойки, в пространство между которыми нужно было забить как можно больше шайб. Любопытно, что сначала роль хоккей-

ных коньков играли резакИ для сыра, крепившиеся к зимним ботинкам.

Слух о новой армейской забаве быстро распространился по Канаде. Особенно популярной она стала среди студентов. Изобретательные молодые люди заменили банку разрезанным наполовину каучуковым мячом. В итоге 3 марта 1875 года на катке «Виктория» (ныне стадион «Виктория скейтинг ринг») в Монреале студенты провели первый показательный хоккейный матч. Информация об этом поединке, прошедшем на льду в закрытом помещении, документально была засвидетельствована в издании «Монреаль газетт». Поэтому этот день во многих источниках и называют как дату официального рождения хоккея с шайбой.

За несколько лет новая игра постепенно «обрастала» правилами, по которым играют в нынешний хоккей. Чуть позже родилась настоящая шайба. Мяч для летнего хоккея сначала был заменен деревянным снарядом. Затем эта сфера была вытеснена твердым резиновым, с обеих сторон ровным и плоским диском. Это сегодня благодаря компьютерным методам можно понять, что современная шайба, пущенная профессионалом, летит в три раза быстрее, чем бежит самый быстрый хоккеист. А в те годы нужно было учиться не только стоять на коньках, но, освоив непростую технику броска, суметь поднять со льда довольно увесистую шайбу.

Между тем, несмотря на то, что во многих источниках монреальский матч 1875 года признается самым первым

хоккейным поединком, история этой игры является одной из самых оспариваемых среди всех видов спорта. Слишком много стран хотят считать его «своим», несмотря на всю одержимость хоккеем Канады. У древних греков также существовала игра, отдаленно напоминающая хоккей. Она называлась «фрейнинда» и даже была включена в программу Олимпийских игр. Два молодых человека с изогнутыми палками в руках, которые играют в некое подобие современного хоккея на траве, изображены на барельефах знаменитой стены Фемистокла в Афинах, возраст которой составляет более 2400 лет. В известном на весь мир антропологическом музее в Мехико можно увидеть фрески с изображением людей, гоняющих шар такими же, как в Греции, изогнутыми палками. Наконец, историки упоминают о старинной забаве индейцев крайнего севера Америки, которые любили погонять в «айсрэкет» – необычную игру с клюшками.

Кто-то утверждает, что подобной игрой забавлялись и в Европе в Средние века: дескать, в хоккей на траве и на льду играли в далекой Франции аж XI века – в городах и деревушках, расположенных на берегу реки Уазы. В том числе и в зимний период. А в XVI–XVII веках это увлечение было очень популярно в Англии. Любопытно, что в незабвенном «Гулливере» Джонатан Свифт упоминает о лилипутах, «с кривыми ногами и носом крючком, как клюшки для игры в бенди».

Скандинавы также вспоминают о подобном времяпрепро-

вождении, намекая на исторические корни своего хоккея с мячом («бенди»). Если копать глубже, ссылаясь на старинные гравюры XVIII века, то в таком случае претендовать на звание родины хоккея, вероятно, может и Голландия. Дело в том, что на некоторых голландских средневековых картинах изображено большое количество людей, которые играют на замерзшем канале в похожую на хоккей игру. Наконец, в Новой Шотландии и Вирджинии также существуют старинные картины, на которых изображены люди, играющие в хоккей. Любопытно, что в Большой советской энциклопедии указано, что хоккей берет свое название от старофранцузского слова «hoquet» (хокэ) – пастушьего посоха с крюком.

Это дает повод говорить о том, что нечто, напоминающее хоккей, игру «различными снарядами» на льду от мяча до банки практиковали в Средние века. Но современный хоккей с шайбой именно как спортивная игра оформился не где-нибудь, а в Канаде. В 1883 году игра была представлена на монреальском «Зимнем карнавале», знаменитом канадском празднике, традиционно проводившемся каждый год. В 1888 году посмотреть на игру своих сыновей на хоккейной площадке во время очередного такого карнавала пришел английский генерал-губернатор Канады сэр Фредерик Артур Стэнли-Престон. Зрелище настолько впечатлило высокопоставленного чиновника, что он решил учредить именной приз – массивную серебряную вазу для команды, победившей на турнире. Первым обладателем приза стал любими-

тельский клуб «Монреаль ААА». Начальная цена вазы, которую купил лорд Стэнли-Престон, составляла 10 гиней, по нынешним временам около 50 долларов. С годами к вазе прикрепили массивное цилиндрическое основание, а сам кубок время от времени наращивали. Номинальная цена этого трофея – мечты каждого хоккеиста, кто выступает в НХЛ, выросла сначала на 6 тысяч долларов, а затем еще на 10 тысяч. Именно столько было заплачено граверам, которые наносили на кубок названия команд-победителей турнира.

В Канаде стали создаваться профессиональные хоккейные команды, проводиться турниры, в которых играли и профессиональные, и любительские команды. Несмотря на это, вплоть до начала XX века в хоккей играли с воротами без... сетки. Она появилась после того, как судьям и игрокам, иногда сцеплявшимся в рукопашных, надоело постоянно спорить, был ли гол или нет. Непременный сегодня атрибут ворот смастерили из рыбацких сетей. Немудрено, что с подобным предложением выступил профессиональный рыбак. Френсис Нельсон первым придумал натягивать на деревянный каркас рыбацкие сети, чтобы вести счет забитым шайбам.

В конце XIX – начале XX века были придуманы и основные правила игры в хоккей: установлены современные размеры хоккейных площадок, введено вбрасывание шайбы, стали практиковаться замены игроков, а им самим стали присваивать номера. В 1917 году была создана Националь-

ная хоккейная лига (НХЛ). В нее вошло пять клубов: легендарный «Монреаль Канадиенс» (основан в 1909 году), «Оттава», «Квебек» и канувшие в Лету «Монреаль Вандерденс» и «Торонто Аренас». До наших дней в том виде, в котором он основывался, не меняя названия и местоположения, дожил лишь «Монреаль Канадиенс».

Вот уже почти полтора столетия Канада помешана на хоккее. «Канада – родина хоккея. Каждый мальчик, который рождается в семье, будет в первую очередь хоккеистом, а потом ему уже другую профессию выбирают, если он хоккеем не подходит, – как-то заметил в разговоре со мной Владислав Третьяк. – В Канаде имеет хождение банкнота в пять долларов. На ней запечатлено, как ребята играют в любительский хоккей на озере. Канада – единственная страна в мире, где есть купюра, имеющая отношение к этой игре, что еще раз подчеркивает особое ее отношение к хоккее».

Кстати, накануне открытия Олимпиады 2010 года в Ванкувере премьер-министр Канады Стивен Харпер заявил: «Я не могу представить, чтобы в любой другой стране так ожидали золота и только золота. Хоккей много говорит о характере народа: Канада и Россия – две самые холодные страны на земле и две лучшие команды в хоккее, и это совсем не случайность. Хоккей – быстрый, жесткий, агрессивный спорт».

В Европе благодаря стараниям одного из сыновей сэра Стэнли с хоккеем познакомились в 1895 году, когда канадцы приехали в Лондон провести показательный товарище-

ский матч. Англичане настолько впечатлились этим зрелищем, что в 1903 году построили первый в Европе каток с искусственным льдом. Любопытно, что свой интерес к новой игре в начале XX века в Европе провозгласила жаркая Испания, которая сегодня не практикует хоккей с шайбой. Именно там был построен второй в Старом Свете искусственный каток. Впрочем, как в свое время англичанам, хоккей вскоре быстро наскучил теплолюбивым испанцам. И они сменили коньки на ролики.

В 1920 году хоккей дебютировал как олимпийская дисциплина, правда, для начала став частью летней Олимпиады в Антверпене, и лишь с 1924 года вошел в программу уже зимних Олимпийских игр. Впрочем, представителям европейских стран много лет не удавалось угнаться за гораздо более мастеровитыми канадцами, которые победили на двух этих турнирах с подавляющим преимуществом. На втором из этих состязаний перевес канадцев над остальными командами был просто неприличным. Они обыграли шведов со счетом 22:0, чехов – 30:0, американцев 6:1 и англичан 19:2. Таким образом, общая разница забитых и пропущенных шайб у канадцев была невообразимой по нынешним временам – 110:3. Лишь в 1930 году состоялся первый самостоятельный чемпионат мира.

До того момента, как на лед мирового турнира впервые вышла сборная СССР, канадцы победили на пятнадцати из двадцати первенств планеты. Но вскоре их гегемония на

хоккейных площадках прервалась...

Глава вторая

РОЖДЕНИЕ ХОККЕЯ ПО-РУССКИ

«Как только мороз сковывал лед, затевали добры молодцы удалые игры-забавы, спорили, кто быстрее, сильнее, смелее...» – наверное, так можно описать зимние развлечения в Древней Руси. Находилось в этих разудалых игрищах место «клюшкам» и «шайбам».

Впрочем, если судить по летописным источникам, больше такие забавы все-таки напоминали керлинг, нежели современный хоккей. Русичи любили играть в кубарь – так назывался деревянный шар, который гоняли по поверхности замерзших водоемов палками с крюком. Этот кубарь нужно было загнать либо в круг, который чертил для себя каждый из участников игры (чем не керлинг?), либо за определенную линию, которую той же палкой рисовали на льду. Постепенно увесистый кубарь, который, если не рассчитаешь силу удара, мог причинить боль товарищу по игре, заменили чужинскими пулями. Забаву эту называли «юла» или «котел», в зависимости от мест, где в нее играли.

Вслед за Европой в конце XIX века набиравший популярность в те времена хоккей дошел до российской столицы. Первопроходцами игры выступили члены кружка «Петер-

бургские любители спорта». Однако недолго им было суждено наслаждаться новой игрой. Однажды во время матча шайба, перелетев за борт, угодила в лицо случайному прохожему, проходившему мимо ледовой площадки. Как водится, газетчики раздули из этого случая громкую сенсацию, и тогдашний губернатор Петербурга запретил проводить в городе «хоккейные игры на свежем воздухе».

Хоккей с шайбой оставался вне закона еще несколько лет, пока настойчивые любители спорта не создали в 1907 году «Петербургскую лигу хоккеистов». Следом образовались хоккейные кружки в ряде крупных российских городов. Ключки, особенно в провинциальных городах, как правило, мастерили сами, иногда по рассказам и описаниям товарищей. «Столичные» выписывали их из-за границы, если позволяли средства. А как-то раз в роли первого хоккейного мецената выступил знаменитый петербургский портной, который привез своим друзьям дорогие подарки в виде клюшек из самого Парижа.

Но вскоре, как и в Испании и других странах Европы, в России к хоккею охладели и... этот вид спорта стал больше популярен у барышень. Вышедший в Москве в 1914 году увесистый справочник «Спорт во всех видах» выдавал хоккей почти как «исключительно дамский вид спорта»: «Он представляет интересное и красивое зрелище, привлекательное еще и потому, что спортсменки одеваются в хорошень-

кие костюмы»¹. В период Гражданской войны и становления советской власти о хоккее почти забыли. Тогда стране было не до спорта – справиться бы с разрухой. Первые шаги будущей всенародно любимой игры связаны с началом массового физкультурно-спортивного движения в Советском Союзе.

Советские спортсмены быстро овладели сложной техникой игры в хоккей с шайбой. Однако жаловались на то, что на таких маленьких площадках, как «канадская», в отличие от хоккея с мячом трудно разогнаться и продемонстрировать ту лихую скорость, к какой они привыкли в русском хоккее. Хоккей с шайбой в СССР, конечно, был известен и до войны, но оценивали его «с высокой колокольни», с некоторым пренебрежением. «Игра носит сугубо индивидуальный и примитивный характер, а на вопрос, следует ли у нас культивировать канадский хоккей, можно ответить отрицательно», – писал журнал «Физкультура и спорт» в середине 1930-х годов.

Принято было считать, что недолгая, но, как оказалось, счастливая история советского хоккея с шайбой берет начало в декабре 1946 года. Тогда стартовало и всего лишь за два месяца было разыграно первенство СССР. Успех в нем праздновали московские динамовцы под руководством Аркадия Ивановича Чернышева. К слову, «Динамо» Москва не только выиграло дебютный чемпионат СССР, но и «закрыло» золотую страницу всесоюзных соревнований, победив в

¹ Дворцов В. А. Хоккейный репортаж. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 14–15.

последнем первенстве Советского Союза по хоккею сезона 1991/92 года. Первые несколько лет многие в стране просто не воспринимали новую игру как самостоятельный вид спорта, считая его разновидностью хоккея с мячом, таким его «мини-вариантом».

«Как вначале хоккей был не похож на нынешние баталии хоккеистов! – вспоминал журналист Владимир Дворцов. – Играли тогда в “шайбу” на площадке малого динамовского стадиона, далеко не похожего на нынешние хоккейные стадионы. Поле огораживали низенькие деревянные бортики, отъезжавшие в сторону при малейшем прикосновении. Не было часов, красных фонарей за воротами, для удаления приспособили какие-то загончики, напоминавшие клетки в зоопарке. Кстати, тогда удаляли и вратаря. В таких случаях его заменял кто-то из полевых игроков»².

«В 1940–1950-е годы в составе команд было по 12–14 игроков, хотя игры проходили в три периода по 20 минут, как сейчас. Бывало так, в команде было пять защитников: двое из них выходили в первом периоде, а трое играли уже во втором, потом меняются, крутятся. Знаменитый динамовский защитник, из команды первых чемпионов СССР Олег Толмачев порой проводил на поле все 60 минут игры, – вспоминает Виталий Давыдов. – Силовая борьба разрешалась только на своей половине поля, и я, как защитник, не имел права применить силовой прием в отношении противника в его

² Там же. С. 22.

зоне».

«Если раздать клюшки тех лет пяти мужчинам, дай бог, чтобы один из них шайбу со льда поднял. Женщина уж точно не поднимет. А если раздать сегодняшние клюшки, то есть шанс, что все прицелятся и легко бросят. Дело в том, что сегодняшняя клюшка из графита сделана, и ее ребенок даже может поднять, настолько она легкая. А тех лет – была увесистая, как кусок дерева. Все изменилось. И шайба летит по-другому, совершенно по-другому, не едет, как раньше, а летит. Если вспомнить Боброва, он играл вообще на бортах, потому что шайбу никто ото льда оторвать не мог», – признавался в беседе со мной Владислав Третьяк.

А сколько курьезов, особенно связанных с вратарями, случалось на первых порах становления хоккея с шайбой в нашей стране. Стражи ворот, пришедшие из русского хоккея, где, как известно, играют без клюшек, первое время, с непривычки, пытались избавиться от чужеродного предмета, норовили поймать шайбу руками, при броске соперника отбрасывая клюшку в сторону. А один из вратарей, видя, как трудно нападающим при броске оторвать шайбу ото льда, однажды даже положил клюшку на лед во всю ширину ворот, от штанги до штанги, а сам присел на корточки за ней и, «кура бамбук», наблюдал, как тщетно противник пытается поразить его ворота.

«В экипировке спортсменов тоже имелось много “своеобразного”: шлемов не было и в помине, играли в кепках, в луч-

шем случае в вязаных шапочках, — вспоминал В. Дворцов. — Вратари из защитного снаряжения имели — ватники, свитера, футбольные щитки, вело— и мотошлемы. Осенью, чтобы выйти пораньше на лед, ведущие команды выезжали в северные или сибирские города. А те, что оставались в Москве и Ленинграде, проводили тренировки... на рассвете, пока не растаял первый хрупкий еще лед на примитивных временных катках»³.

Писатель Григорий Горин однажды сказал точную фразу: «В хождении на хоккей в те годы было что-то героическое». Почти до конца 1950-х, пока не открылся Дворец спорта в Лужниках, матчи в Москве, как правило, проводились на открытой арене стадиона «Динамо». Но и в тридцатиградусный мороз сюда стекалось до 30 тысяч болельщиков. Причем многие из них при таком лютном холоде приходили занять места за час до игры, терпеливо дожидаясь, когда хоккеисты выйдут из раздевалок. Но если игроки хотя бы уходили на перерыв греться в подтрибунные помещения, то каково было болельщикам, которые оставались томиться на морозе по два-три часа подряд. Приходилось только прыгать то на одной, то на другой ноге или тереться о соседа, как медведи о земную ось в знаменитой песне. Пить из заветной фляжки с горячительным хоть и запрещалось, но милиция смотрела на эти вещи сквозь пальцы, лишь бы не буянили и не обижали соседей. Кроме того, в тогдашних условиях стадионы

³ Дворцов В. А. Хоккейный репортаж. С. 24.

не были окружены палатками, где можно было бы купить в перерыве стаканчик чая или кофе. Болельщики шли на хоккей основательно подготовленными: в валенках на шерстяной носок, в тулупах и телогрейках, с шапками-ушанками, в толстых меховых варежках.

Однажды уже в середине 1950-х годов в Москву на серию товарищеских игр приехали родоначальники хоккея. Узнав, что матч будет проводиться на открытом воздухе в двадцатиградусный мороз, канадцы сначала замолчали, а когда вышли из раздевалки на улицу, обомлели и попятились назад, в тепло. «Приходит кто-то из руководителей их команды и говорит: мои парни в такой мороз и ветер играть отказываются. Минут тридцать пришлось уговаривать соперников выйти на площадку. А зрителям – их собралось больше двадцати тысяч – несколько раз объявляли, что матч задерживается “по техническим причинам”», – вспоминал Всеволод Бобров.

Русские хоккеисты, взяв от канадцев все самое рациональное, привнесли в эту игру свое особенное пристрастие к пасу, к «кружевам» комбинаций и конечно же лихие скорости хоккея с мячом и умение виртуозно владеть катанием. «Придя с большого хоккейного поля в коробку, они чувствовали себя джиннами, посаженными в бутылку. Их сковывала площадь. Они играли даже не в канадский хоккей, а в своеобразный русско-канадский», – признавался А. И. Чернышев. «Мы принесли на мировую арену сочетание канадского хоккея с вихревой русской игрой с мячом. Все без исклю-

чения тогдашние чемпионы мира прошли через школу “мячика”. Русский хоккей сделал наших спортсменов творчески заряженными, задорными, удалыми, бесстрашными», — вспоминал Борис Майоров.

Кроме того, среди хоккеистов было много футболистов, менявших зимой бутсы на коньки: Л. Яшин, В. Трофимов, И. Нетто, М. Якушин, В. Бобров и многие другие, все они успешно играли и в футбол, и в хоккей. И были всенародными любимцами, к которым не нужно было долго привыкать.

На международной арене советские хоккеисты показали свои выдающиеся способности сразу, как только взяли в руки клюшки, сыграв в 1948 году на равных с серебряными призерами Олимпийских игр — игроками чехословацкой команды ЛТЦ («Лаун-теннис клуб»), которые составляли костяк сборной ЧССР.

Только в 1953 году советская федерация была принята в Международную федерацию хоккея, и уже на следующий год сборная СССР дебютировала на чемпионате мира. До турнира нашу команду никто не воспринимал всерьез, а канадцы даже отказались сыграть с ней товарищеский матч, дескать, с вами, «зелеными новичками», нам не интересно. Видимо, не знали иностранцы, что «русского медведя лучше не дразнить», иначе бы не разместили накануне чемпионата в одной из газет язвительную карикатуру: «человек, напоминающий Боброва», в роли школьника сидит за партой с букварем, выслушивая наставления «учителя» в форме игрока сборной

Канады. Победив последовательно команды ЧССР, Финляндии, ФРГ, Швейцарии, Норвегии, 7 марта 1954 года на Королевском стадионе в Стокгольме сборная СССР во главе со старшим тренером Аркадием Чернышевым сотворила главную сенсацию турнира, разгромив фаворитов первенства – канадцев.

«Сегодня – с известного исторического расстояния – мы должны признать, что эта победа была сенсационной не только для всего мира, но и для нашей страны. В те неповторимые и прекрасные годы побеждал, по существу, талант людей», – вспоминал Борис Майоров.

«Советские игроки первого хоккейного поколения во главе с Всеволодом Бобровым развеяли в 1954 году миф о канадской непобедимости не только потому, что проявили бойцовский характер, выдержали сильное психологическое и физическое давление со стороны заокеанских игроков, но и потому, что не уступили им в мастерстве», – полагает Виталий Давыдов.

Спустя два года после победы в Стокгольме, в 1956 году, советская сборная одержала победу на Олимпиаде в итальянском городке Кортина д'Ампеццо, последовательно обыграв команды Швеции и Швейцарии, а в финальных поединках США, Канаду, Швецию, Чехословакию и ФРГ. Эта победа так впечатлила одного из итальянских скульпторов, что вскоре после Олимпийских игр на римском стадионе «Марми», украшенном мраморными статуями, символизирова-

рующими различные виды спорта, появилась многометровая статуя «Хоккей». Это была скульптура, слепленная с вратаря олимпийской сборной СССР Николая Пучкова.

Именно Бобров и сотоварищи заложили фундамент побед непобедимой советской сборной по хоккею с шайбой. Именно тогда в Италии родился знаменитый клич болельщиков «Мо-лод-цы!». «Мое поколение пришло в сборную страны после Всеволода Боброва и его друзей, покрывших позолотой имидж советского хоккея, только вставшего на ноги, а мы в эту корону добавили бриллианты и изумруды. На протяжении десяти лет, когда играли мои сверстники, сборная СССР была подобна мчащемуся на предельной скорости “мерседесу”, который не чувствует под колесами камешки, в то время как другие команды либо останавливались, либо притормаживали. И если даже им удавалось обгонять нас на некоторых участках, на финиш все равно первой приходила наша сборная», – вспоминает Виталий Давыдов.

О коллективизме и силе духа советской ледовой дружины под руководством Чернышева и Тарасова красноречивее всего говорит один эпизод, произошедший уже в 1960-е годы. Организаторы олимпийского турнира в Инсбруке в 1964 году так и не могли решить, кого из советских хоккеистов наградить специальным призом Международной федерации хоккея на льду. Так здорово играли все, без исключения, хоккеисты команды СССР. Тогда организаторы передали приз в команду, предоставив право советским спортсме-

нам самим решать, кто больше всего из них достоин награды. Тарасов и Чернышев провели собрание команды. Тренеры предложили игрокам передать приз Эдуарду Иванову, и те сразу согласились. «Конечно, все играли самоотверженно, все до конца отдавали свои силы победе. Все действовали с огромным мужеством. Все, когда нужно было, ложились под шайбу, закрывая собой ворота», – вспоминал Анатолий Тарасов.

Но чем же тогда выделялся на общем фоне Эдуард Иванов, чем же он больше других заслужил награду? «Эдуард сам непрерывно искал возможности проявить свое мужество, закрыть грудью ворота. И все это он делал с улыбкой. И тем самым вдохновлял своим энтузиазмом остальных», – подчеркивал Тарасов.

«Мы-то играли не только за себя, но за всю страну. А как иначе, если ночами миллионы людей сидят у телевизоров. Телеграммы, письма приходили в наш адрес мешками. Поэтому мы знали, что за нами Родина, отступать некуда» – так точно и емко, на мой взгляд, сформулировал главный секрет побед той великолепной советской команды один из лучших нападающих в истории мирового хоккея Вячеслав Старшинов.

В 1950-х – начале 1960-х годов телевизоры в семьях были редкостью, и о победах отечественных хоккеистов большинство советских людей узнавали из радиорепортажей знаменитого Вадима Синявского. Среди мальчишек, прильнув-

ших к радиоприемникам тогда, в 1956 году был и семилетний Сашка Мальцев, который через полтора года придет записываться в хоккейную школу в родном Кирово-Чепецке на Вятке...

Глава третья

«МЫ ВЯТСКИЕ – РЕБЯТА ХВАТКИЕ»

«Горжусь, что я вятский. Горжусь Кирово-Чепецком», – признается Мальцев, который никогда не забывает о малой родине и помнит о своих вятских корнях. Существует у него и любимая поговорка: «Мы вятские – ребята хваткие». Вот уже больше сорока лет проживая в Москве, произносит он ее без характерного мягкого и «деликатного» «вятского прононса». Действительно, существует у вятских одна черта, по которой их можно распознать в любом конце света: это непривычный для постороннего уха этакий скороговорнонапевный, будто чарующий говор.

Город Кирово-Чепецк расположен в Кировской области, некогда Вятской губернии. Вятка – так исстари называют этот удивительный русский регион, расположившийся в Центральной России. Своему имени он обязан одноименной реке, вытекающей из родника, затаившегося среди Кайских болот, и слившейся с Камой, впадающей в Волгу. «Все земли по ее берегам, прорезающим северные увалы, со сказочными замшелыми васнецовскими лесами, то частыми, то редкими деревнями, невеликими, но любовно взлелеянными пашнями, всегда торговыми, бойкими городами – все эти земли

еще прадеды наши любовно называли по имени реки Вяткою», – говорится об этом удивительном крае в сборнике «Столица земли вятской».

С давних пор местный люд был дерзким и независимым, привык все вопросы решать сообща, прилюдно и гласно на знаменитых вече, пришедших из Великого Новгорода. Вятские были людьми гордыми и никого не боялись.

В XVI веке Хлынов (нынешний Киров) был крупным торговым городом на северо-востоке Древней Руси. В нем насчитывалось до 400 дворов и десять церквей. Здесь же располагался и сохранившийся до наших дней знаменитый Успенский мужской монастырь, основанный в 1580 году преподобным Трифоном Вятским, чьи мощи хранятся в нем и поныне, по легенде, наделяя людей физическими и духовными силами, если к ним прикоснуться. На Вятке особо чтят Велikorецкий крестный ход – старейший в России, которому уже более шестисот лет и на который сегодня съезжаются паломники со всей страны. В 1780 году указом Екатерины Великой Хлынов был переименован в Вятку, а уже при советской власти – в Киров в честь убитого в 1934 году революционера и деятеля партии большевиков, уроженца этих мест.

Первое упоминание о месте, на котором стоит современный Кирово-Чепецк, относится к 1615 году. Именно тогда в летописях сообщалось об Усть-Чепецком погосте, который, судя по упоминанию в Дозорной книге, имел целых три церкви: теплую Рождественско-Богородицкую с Петропав-

ловским приделом, холодную Никольскую и Георгиевскую «под колокольню». Главной из них считалась Никольская. В 1796 году была образована Вятская губерния, включавшая в себя десять уездов. Территория, занимаемая ныне городом Кирово-Чепецком, являлась частью Вятского уезда.

В 1894 году в газете «Вятские ведомости» была опубликована статья усть-чепецкого священника Александра Заворохина. Он рассказал о жизни и быте местных жителей: «В характере и нравах жителей Усть-Чепецкого прихода, в сравнении с окольными приходами, особенно замечается то, что они сами себя пищей не морят, а употребляют по средствам, довольно не худую. В скоромные дни варят говядину, по праздникам и воскресным дням, а очень многие и в будни, пьют чай, за исключением самых бедных людей. Одеваются очень чисто, даже щеголевато, в лаптях встречаются прихожане – как редкость. Живут между собой согласно, старший в семействе заведует экономией, ему прочие члены семейства сдают заработанные деньги. При разделах друг друга не обижают, земледелием и ремеслами занимаются рачительно, к церкви очень усердны, школ не чуждаются, отдают детей в школу охотно».

В 1934 году в связи с переименованием города Вятки в город Киров Вятский район получил название «Кировский». В 1942 году был основан рабочий поселок Кирово-Чепецкий, который поднялся после войны на месте затерянного между лесов и болот села, там, где река Чепца впадает в Вятку.

В нем было развернуто строительство химического завода, впоследствии самого крупного в Европе. Впоследствии этот комбинат стал важной частью советского оборонного комплекса, здесь производились компоненты для атомной промышленности. (В годы передела собственности в России легендарный комбинат ждала горькая судьба. Теперь некогда гордость Кировской области, дававшая треть ее бюджета, – собственность одного олигарха, и все производство в нем завязано не на высокие оборонные цели, а на непрерывный выпуск фосфатных удобрений.)

В 1947 году директором химкомбината становится Яков Филимонович Терещенко, человек, которому Кирово-Чепецк обязан многим и которого здесь вспоминают самым теплым словом. При его активном участии открылись местный краеведческий музей, стадион, детско-юношеская спортивная школа, построены сотни домов для заводчан. О заслугах Якова Терещенко, который, по признанию многих жителей города, «делал все для людей», говорит только один факт: он был трижды (!) лауреатом Ленинской премии, которую при советской власти давали действительно за выдающиеся заслуги.

Трудно представить, что было бы с Яковом Филимоновичем, доживи он до наших дней и увидя, в каком плачевном состоянии находится футбольный стадион с замурованными раздевалками и наполовину разобранными трибунами, та арена, которая заботливо возводилась руками сотен

горожан. Впрочем, поле стадиона, заботами о строительстве которого денно и нощно жил Терещенко, не собирается сдаваться «новым временам». Его газон, который лелеяли лучшие агрономы, но за которым давно забыли ухаживать, по-прежнему один из лучших на Вятке. Весной год от года здесь наперекор всем обстоятельствам по-прежнему «наливается соками» пробивающаяся из земли травка.

Сегодня некоторые «новые русские директора» в погоне за прибылью в последнюю очередь думают о социальных правах служащих. Канули в небытие профилактории, базы отдыха, а тот же Дворец спорта химзавода «Олимпия», в котором занимался Саша Мальцев, отдан в частные руки. Теперь там не до хоккея, как говорится, был бы фитнес...

В 1955 году поселок Кирово-Чепецкий по многочисленным просьбам его жителей был переименован в город областного подчинения Кирово-Чепецк. К тому времени его население составляло всего лишь около 15 тысяч человек.

Первые попытки на Вятке освоить недавно появившуюся в стране игру оказались неудачными. «Судейство хоккейных игр было крайне неквалифицированным, “коробки” для игр были недостаточно оборудованы: мало мест для зрителей, слабое освещение, плохой лед, – вспоминает в своей книге об истоках хоккея на Вятке Евгений Душкин, который играл против Мальцева в начале 1960-х в детских соревнованиях по футболу и хоккею на первенство Кировской области. – К тому же в продаже не было хоккейной формы. А

если она и появлялась, то приобретение ее многим коллективам было “не по карману” в силу дорогой стоимости. Все это в какой-то мере являлось тормозом развития хоккея. Так что, волей-неволей, многие руководители задумывались: “А нужно ли нам играть в этот хоккей?”».

Но, как и во многих других городах Советского Союза, «оживить» хоккей помогли школьники.

«Кирово-Чепецк – типичный русский северный город. Зимы тут длинные, снег лежит месяцами, вплоть до глубокой весны. Но с ледовыми площадками здесь всегда были проблемы, и на заре становления хоккея мы играли где придется, даже на улицах. В общем, в конце 1950-х на Вятке играли в хоккей практически везде, где был лед. Вы посмотрите, как бы ни разваливался хоккей в Кирово-Чепецке, но здесь как грибы после дождя постоянно появляются все новые и новые таланты из тех мальчишек, которые проводят все свободное время на льду», – вспоминает в разговоре со мной Владимир Крикунов, знаменитый тренер и хоккеист, выходец из Кирово-Чепецка. С присущим ему юмором Крикунов вспоминает о том, что, как и другие «чепецкие» мальчишки, был настолько увлечен хоккеем, что «торчал на льду с утра до вечера, несколько раз чуть не упав в голодный обморок». «Ничего, нашел потом рецепт от обморока. Поем свежеснявшего снежка и обратно в бой», – с улыбкой вспоминает о детских годах Владимир Крикунов.

При всё разраставшемся химкомбинате была организова-

на хоккейная команда под руководством тренера из Москвы В. Д. Аксенова, куда были приглашены как кировчане, так и игроки из городов Дзержинска и Ленинграда. Чуть позже «Химик» переименуют в «Олимпию», где и сделает свои первые шаги в хоккее Александр Мальцев. «Сколько себя помню, на наш стадион на открытом воздухе всегда собиралось по несколько тысяч зрителей, пусть даже это были юношеские соревнования, – вспоминает Владимир Крикунов. – Когда “Химик”, а потом “Олимпия” играли решающие матчи, народ сидел друг у друга едва ли не на головах. Более того, люди висели на заборах вокруг стадиона “гроздьями винограда”. Хоккей был спортом номер один в нашем городе. В день матча все разговоры были только о нем. Мужиков привлекало то, что на трибунах можно было покурить, согреться горячительным, да еще в приятной компании. Это было своеобразной формой расслабления для рабочих, возвращавшихся с тяжелой смены на заводе. Добавьте, что Кирово-Чепецк был молодым городом, как по своему возрасту, так по среднему возрасту его жителей. Молодые специалисты после окончания вузов стремились и охотно ехали сюда со всей страны, так как на комбинате относительно быстро давали квартиры и вообще уделяли социальной сфере огромное внимание. А какие тогда у молодежи были развлечения? Танцы в соседнем доме культуры и хоккей на стадионе неподалеку».

Вскоре в Кирово-Чепецке при поддержке руководства хи-

мического комбината заработала хоккейная детско-юношеская школа. Именно в ней через несколько лет раскроется талант будущей мировой хоккейной знаменитости – Александра Мальцева.

Глава четвертая

ДЕТСТВО МАЛЬЦЕВА

Александр Николаевич Мальцев появился на свет в четвертый послевоенный год, 20 апреля 1949 года. В семье Николая Михайловича и Анастасии Степановны Мальцевых до него уже было пятеро детей. Он стал шестым.

В 1931 году родился первенец Николая и Анастасии Мальцевых, дочь Антонина, а спустя четыре года – вторая дочка Александра. Обе они всю жизнь отработали на градообразующем предприятии Кирово-Чепецка – на том самом крупнейшем в Центральной России химическом комбинате. После появления на свет двух дочерей впоследствии у Мальцевых рождались только сыновья. Первым из них в 1937 году родился Геннадий. Окончив школу в Кирово-Чепецке, он уехал учиться в Ижевск. Работал в совхозе в Ижевской области агрономом. Умер он в конце 1990-х.

За три месяца до Великой Отечественной войны в апреле 1941 года родился Николай Николаевич Мальцев. Он уехал учиться в Кострому и по распределению попал в город Муром Владимирской области. Долгие годы работал начальником отдела технического контроля (ОТК) на знаменитом муромском заводе холодильников. В Муроме проживает и сейчас. В 1946 году в семье Мальцевых появился на свет Вик-

тор, который, как и отец, работал слесарем на химзаводе. Он трагически погиб в 1977 году. После рождения Александра Мальцева в 1952 и 1954 годах появились на свет Анатолий и Сергей, соответственно. Последний тоже, как и его легендарный брат, играл в московском «Динамо», но, увы, не закрепился в его основном составе. Все из семьи Мальцевых встали на ноги в жизни сами, без чьей-либо поддержки. У всех у них в Кирово-Чепецке было и остается доброе имя.

Родился будущий гроза вратарей всего мира, если быть точным, не в самом Кирово-Чепецке, как пишется в многочисленных справочниках, а в деревне Сетковцы в 18 километрах от районного центра. Отсюда ведут свой род предки хоккеиста по отцовской и материнской линиям.

Выбравшись из зимней Москвы, спешу на Вятку, на родину Мальцева, чтобы своими глазами увидеть его истоки. Увы, сегодня на месте Сетковцов простирается «чисто поле», где лежит огромный валун. На нем заботливой рукой выведена надпись «Здесь родился великий советский хоккеист Александр Николаевич Мальцев». Неизвестный поклонник таланта Мальцева в конце 1990-х годов привез сюда эту каменную глыбу и водрузил на то место, где еще недавно «тепилась жизнью», а потом как-то тихо канула в Лету, как сотни других российских населенных пунктов, та самая деревня Сетковцы.

«Помню, лет 20 назад, когда мы с друзьями выбирались на рыбалку и отъезжали 10–15 километров от Кирова, нам по-

всюду встречались деревни. Сейчас немного уедешь от города, и на многокилометровом пути тебе попадаются несколько полуразрушенных домов на месте прежних деревень, где доживают свой век одинокие старушки», – с горечью признается мне известный в Кирове журналист и краевед Андрей Андреев.

Между тем на протяжении нескольких столетий в Сетковцах бурлила жизнь. Все жители деревни имели огороды, в хозяйственных постройках держали скотину, кое-кто служил в небольших столярных или слесарных мастерских. Мать будущей мировой знаменитости – Анастасия Степановна всю жизнь была на домашнем хозяйстве и занималась воспитанием детей. Она родилась в 1911 году. Любопытно, что ее род считался по местным меркам зажиточным. И когда в Сетковцах Анастасия встретила любовь своей жизни – Николая, сына Михаила из рода Мальцевых, родители и родственники сначала отвернулись от нее. Мальцевы если не бедствовали, то считались одними из наименее обеспеченных жителей деревни. Родственники не дали влюбленной девушке приданого, а напутствовали так, что был повод закручиниться – раз вышла за бедного, то живите, как живете. Уже позже, когда в СССР, как утверждала пропаганда, не стало «богатых и бедных», родители Анастасии «оттаяли» и стали общаться с зятем. Маленький Саша Мальцев с братьями и сестрами часто ездил в деревню к своим бабушкам и дедушкам помогать перекапывать огород или выкапывать картошку.

Единственным кормильцем в семье был отец – Николай Михайлович, который появился на свет в 1910-м, годом ранее, чем его будущая жена. До 1952 года Мальцевы прожили в Сетковцах, где он трудился слесарем, а мать Саша занималась домашними делами и следила за огородом. В 1952 году с шестью детьми, включая трехлетнего Сашку, родители переехали в Кирово-Чепецк, где как раз набирал свою мощь недавно построенный городской химический комбинат. Этот гигантский завод, кормивший семью Мальцевых, располагался в двух с половиной километрах от их дома. Николай Михайлович специально попросился на работу в цех с наиболее тяжелыми условиями производства. Рабочие, трудившиеся в особо вредном цехе, получали немного больше товарищей по заводу и уходили на пенсию в 50 лет, значительно раньше других. Этот цех был занят на работах, связанных с производством ртути.

Довольно долго семья Мальцевых жила на скромную зарплату отца, слесаря высшего, шестого, разряда.

Химкомбинат, будучи одним из засекреченных военных заводов в стране, производил компоненты для ядерного топлива, а сам Кирово-Чепецк в ту пору считался закрытым городом. Впоследствии через заводскую проходную прошли все дети Мальцевых, в том числе и Сашка. К слову, во время школьной практики он поразил бригадира своей настырностью и упорством. «Вылитый передовик производства в будущем», – восторженно говорили о Сашке старшие товарищи.

щи из бригады.

Дядя Коля, так звали в Кирово-Чепецке отца Мальцева все от мала до велика, был человеком исключительной доброты и отзывчивости. Уже после выхода на пенсию Николай Михайлович много лет трудился на стадионе. «Помню, что просыпался в пять утра, в полшестого утра уже был на льду, чистил его от снега, катался один. Дядя Коля тогда был простым сторожем на стадионе. Когда мне запрещали тренироваться одному, не давали ключ от раздевалки, дядя Коля всегда выручал, потому что видел, насколько мне это нравилось. И не только ключи давал, но и подкармливал конфетами, пирожками, чаек наливал», — вспоминал в одном из интервью уроженец Кирово-Чепецка, олимпийский чемпион, знаменитый вратарь «Динамо» и сборных СССР и России Андрей Трефилов.

Николай Михайлович был небольшого роста, но крепкий физически человек. Больше делал, чем говорил, и заводчане уважали его не только за исключительную порядочность и скромность, но и за невероятное трудолюбие. «Я думаю, что от нашего папы Саша прежде всего взял тягу к труду и упорство. Папа говорил нам – если взялись за дело, пусть даже за самое трудное, то непременно доводите его до конца, никогда не останавливаясь на полпути. До последних дней отец постоянно был в движении, если не работал на садовом участке, так обязательно что-то мастерил. Лишь изредка, в короткие минуты отдыха спешил не к телевизору, а к радио-

приемнику, с удовольствием читал книжки и статьи об очередных победах советской сборной, где играл его сын. Хоккей не смотрел, считал себя нефартовым и боялся сглазить успехи Саши», – вспоминает Сергей Мальцев.

На работу с горы и обратно в гору Мальцев-старший ходил пешком. Каждый день два с половиной километра туда и такой же путь обратно. Вставал рано – рабочая смена начиналась в семь утра. После 16 часов Николай Михайлович уже был дома. Перекусив, шел в любимую мастерскую, находившуюся в подвале дома, там делал стулья, полочки. К нему постоянно приходили с просьбами отремонтировать ту или иную вещь соседи или жители окрестных домов. Дядя Коля никому не отказывал и обижался, когда ему предлагали деньги.

Долгие годы он не рассказывал детям о войне, а между тем его судьба была сама по себе заслуживающей отдельной истории. По полученным Мальцевым-старшим боевым орденам и медалям можно смело изучать историю Великой Отечественной. На фронт он ушел в 1939 году – его первой войной стала финская. Недолго побыл он дома на Вятке с женой и двумя дочерьми, дождался появления на свет сына Коли в апреле 1941 года, а в первые дни Великой Отечественной, в возрасте тридцати лет, ушел на фронт командиром артиллерийского расчета. «За взятие Берлина», «За освобождение Будапешта», «За освобождение Кенигсберга» и множество других – эти медали лучше всего говорят о том, что Нико-

лай Михайлович Мальцев прошел самыми тяжелыми тропами этой беспощадной войны. Участвовал в знаменитой битве на Курской дуге, одном из переломных сражений Великой Отечественной, той, что унесла жизни двух его братьев, так же как и он, ушедших на фронт из родной деревни Сетковцы. Один из них сгорел в танке, другой – пехотинец, погиб во время наступления на фашистские позиции.

У Николая Мальцева было восемь (!) ранений за войну. И всякий раз судьба хранила его, даже когда он попадал в самый крутой ее переплет. Последнее, оказавшееся самым тяжелым, ранение он получил при взятии Берлина. Когда почти все оставшиеся в живых солдаты Великой Отечественной уже вернулись с победой в родные края, Николай Михайлович все еще восстанавливался в госпитале. Он пришел домой лишь в августе 1945 года. «Отец признавался, что за войну несколько раз буквально разминулся со смертью», – уточняет Сергей Мальцев. Действительно, во время войны было несколько случаев, когда жизнь Николая Мальцева-старшего висела на волоске, и отвернись от него удача хоть на мгновение, мир бы впоследствии так и не узнал таланта его сына Александра.

«Однажды учительница в школе на юбилей Победы в 1965 году попросила меня позвать на “Урок мужества” папу, чтобы он поделился своими воспоминаниями о войне. Отец, как всегда, скромничая, развел руками и сказал, что не хочет привлекать к себе пристального внимания», – вспоминает

Сергей Мальцев.

«Я расскажу несколько случаев тебе, а ты сам поделишься ими с ребятами», – тихо сказал отец сыну. «Когда я пришел в школу и рассказал на уроке несколько эпизодов войны с участием моего отца, то от нахлынувших эмоций заплакали и дети, и учительница, – продолжает Сергей Мальцев. – Особенно их потряс случай под Кёнигсбергом. Преследуемый фашистами, которые постепенно сжали кольцо, взвод под командованием отца очутился в болотистой местности, откуда нельзя было прорваться даже с боем. Фашисты считали, что нечего тратить патроны на русских – пусть пропадают в болотной трясине, откуда еще никто живым не выбирался. Сутки, подняв винтовки над собой, бойцы простояли в холодной воде.

Немцы не рискнули приблизиться и добить их, а когда поняли, что истекло время, требующееся простому смертному для спасения своей жизни, и вовсе ушли на прежние позиции. Горстка бойцов, едва выйдя из воды, без сил попадала на землю. Эта история потом неоднократно давала знать о себе. С тех пор у отца начались проблемы со спиной, его преследовал радикулит, и лишь однажды, наконец-то вняв нашим увещаниям, он съездил в санаторий в Сочи, где ему стало заметно лучше. Отец был из той породы людей, того самого стойкого поколения, прошедшего войну, которое обращалось за помощью к врачам в самых исключительных случаях. Таким был и Сашка в детстве. Он, разбив в кровь руки

или локти, терпел, даже в тех случаях, когда любой другой сверстник уже бы выл белугой».

Близкие Александра Николаевича уверены, что своему бойкому характеру и обостренному чувству социальной справедливости он обязан своей матери. Анастасия Степановна, женщина небольшого роста, была настоящим сгустком энергии. Сама подняла на ноги восьмерых детей, воспитав их достойными людьми. Она не только успевала обуять, одеть, покормить детей, но не забывала и проследить за тем, как они делают уроки. С деньгами в семье всегда было туго. Пока не подросли старшие сестры и братья, а потом Саша, которые стали помогать родителям, Анастасия Степановна мыла подъезды в доме, чтобы получить дополнительный заработок. Саша, в свободное от тренировок время, тоже помогал матери убирать в подъезде.

«Сколько себя помню, Анастасия Степановна всегда была главной болельщицей Саши. Даже когда ей перевалило далеко за семьдесят, иногда усаживалась у телевизора, бывало, в одиночестве поздним вечером и наблюдала за хоккейными трансляциями. Ей не надо было объяснять правил и тонкостей игры, она сама могла дать фору иным хоккейным аналитикам, – улыбаясь, вспоминает друг семьи Мальцевых Арарат Попов. – Это был человек, который всегда остро и, точнее не подберешь, всем сердцем реагировал на происходящее и, как говорится, очень близко к сердцу принимал все события. Мне иногда казалось, что человек просто физиче-

ски не может такого – сколько же сил надо иметь, чтобы так все это переживать».

Однажды, уже в 1970-е годы, Анастасия Степановна позвонила Попову вся в слезах и попросила его помочь ей найти деньги – получку, которую принес в дом Николай Михайлович, но которую она положила, не помня куда именно. «Я примчался в дом, думая, что произошло что-то страшное. Оказалось, что куда-то запропастились деньги. Начали искать, перерыли всю квартиру, а их нет и всё, – признается Арарат Попов. – Всё. Думаю, пиши – пропало. Вдруг Анастасия Степановна вспомнила, что днем ходила сдавать старые вещи в утильсырьё, тогда за них можно было получить хоть какую-то копейку. Быстро, насколько позволяют силы, идем в пункт приема старых вещей. Вместе с приемщиком, который, разумеется, оказывается болельщиком Саши, перетряхиваем все вещи, находим те, что сдала Анастасия Степановна. И здесь мимо. Уныло бредем обратно в дом, она, кажется, смирилась с тем, что денег больше нет. Я, ничего не говоря, тоже опустошенный, прохожу в ванную, мою руки и так обреченно спрашиваю у Анастасии Степановны: “А в стиральной машине смотрели?”

Тут она быстро открывает дверцу машинки, где лежит белье, перетряхивает несколько рубашек Николая Михайловича, приготовленных к стирке, и там, к огромной радости всех присутствующих, действительно находит получку мужа. “Склероз, старею”, – виновато произносит Анастасия

Степановна под смех присутствующих».

«Если говорить просто, одной фразой – родители Саши были очень добрыми людьми. Они готовы были поделиться последним куском хлеба. Они для меня были как отец с матерью. С детьми у них было полное взаимопонимание», – признается Арарат Попов.

Родители Александра Мальцева всегда старались прийти на стадион в Кирово-Чепецке, чтобы понаблюдать за хоккейними поединками, даже когда сам Саша уже переехал в Москву. Николай Михайлович всегда подходил к приезжим хоккеистам поинтересоваться тем, насколько к ним внимательны в Кирово-Чепецке, чем можно помочь. Когда те узнавали, что к ним подходил отец самого Мальцева, то проникались к нему еще большим уважением.

Но вернемся к первым годам пребывания Мальцевых в городе. По приезде в Кирово-Чепецк им сразу же дали просторную трехкомнатную квартиру на третьем этаже новенького, как его называли, «директорского» трехэтажного дома по адресу: проспект Мира, 2.

По тем меркам это был, как бы его сейчас назвали, «элитный район» города. Рядом находилась главная городская площадь с неизменным по тем временам памятником Ленину. Скоро на ней возведут Дворец культуры химкомбината, который станет центром культурной жизни города, а когда будет расти и крепнуть Саша Мальцев, за рощей, в 300 метрах от дома, начнется строительство ледового катка, манив-

шего всех пацанов.

Сам дом Мальцева и до сих пор стоит на прежнем месте, навевая воспоминания о милых и беззаботных 1970-х годах. Попадая сюда, вспоминаешь бессмертную песню «Битлз» – «Назад в СССР». Трудно сказать, когда в последний раз стены этого дома удостаивались чести «обновиться и покраситься»: о том, что на дворе XXI век, здесь напоминают лишь несколько пластиковых окон. А так вполне можно ощутить себя персонажем известного фильма «Зеркало для героя», когда два мужика неожиданно для себя попадают в годы молодости своих родителей.

«У нас была боевая компания, все ребята из простых семей, росшие неизбалованными, знали цену труду и каждой копейке. Кроме того, окружали нашу семью Мальцевых сверстники из более обеспеченных, или, как мы их называли в то время, “богатых” семей, – рассказывает младший брат Александра Николаевича Сергей. – Руководство комбината и начальники цехов жили как в нашем доме и в домах по соседству, так и в небольших коттеджах на нашей улице. “Дети богатых” и мы, менее обеспеченные, держались обособленно, не пуская друг друга в свой круг. Бывало, “богатые” пытались диктовать нам свои условия, но у Саши разговор был короткий – он, правда, предупредив, мог врезать как следует, прямо в челюсть».

С Сашей Мальцевым, заводилой квартала и настоящим «живчиком», предпочитали не связываться. Он бил точно и

сильно, хоть и был маленького роста. «Сашу, когда он подрос, предпочитал никто не обижать, зная, что он может постоять за себя сам. К тому же у нас, если выразаться современным языком, была такая мощная крыша – старшие братья Гена, Коля и Витя», – улыбаясь, признается Сергей Мальцев.

Однажды под горячую руку Саши Мальцева в конце 1950-х угодил и нынешний мэр города Кирово-Чепецка Анатолий Чеканов. Его также относили к «богатым», поскольку его отец работал начальником самого ОРСа – отдела ресурсов и сбыта химического комбината. Их семья проживала в отдельном доме, однако будущего мэра больше тянуло играть с ребятами из малообеспеченных семей, чем с детьми, выросшими в «тепличных условиях», на всем готовеньком.

Однажды Саше Мальцеву с его обостренным чувством социальной справедливости не понравилось, что какой-то сынок «богатого» норовит попасть в их компанию. Придет на футбольное поле и просится поиграть. Один раз Шурик объяснил парню, что он «человек не их мира», из другого круга общения. Другой. Потом отпустил ему небольшого подзатыльника. А когда стали мириться и разбираться, оказалось, что паренек-то и не такой уж заносчивый, а вполне нормальный и коммуникабельный. Будущего мэра приняли в простую дворовую компанию и отныне всегда брали с собой поиграть. Говорят, что Александр Мальцев, прибыв в Кирово-Чепецк на празднование своего шестидесятилетнего юби-

лея в 2009 году, в шутливой форме напомнил мэру города о тех славных временах детства. Как выяснилось, обиды на легендарного хоккеиста градоначальник, кстати, долгие годы проработавший простым инженером на химкомбинате, не хранит, а с юмором время от времени вспоминает эту «батальную» сценку.

Родители, безусловно, во многом повлияли на формирование характера Мальцева: скромность, молчаливость, трудолюбие отца сочетались в нем с материнской живостью, подвижностью, беспокойством и сопереживанием. Он с детства видел, насколько тяжелым трудом зарабатывается трудовая копейка, научился бережливости. Родители с детства приучили его к тому, что во всем должен быть порядок. Ты можешь озорничать, шалить в рамках дозволенного, но порядок и дисциплину будь любезен соблюдай всегда.

«Дома – никаких разносолов, простая еда, во всем – дисциплина. И никто не ждал тебя, скажем, к обеду. Раз позвали – и всё. Опоздал – пеняй на себя, жди ужина. Почти все жили в больших коммунальных квартирах, в комнатах – по несколько человек, без телевизоров, компьютеров. Ну, что дома делать – поел и на улицу, в любое время года – в мороз, в жару, в снег, в дождь. Поколение сороковых годов было адаптировано к нагрузкам больше, чем теперешние мальчишки. Мы набирались сил в естественном процессе, много играли, бегали, плавали, развивая координацию, мышление, коллективизм» – думаю, под этими словами своего то-

варища Бориса Михайлова может подписаться и Александр Мальцев.

Мальцеву – хоккеисту, в положительном смысле, многое дала улица, куда он шел не попить пивка и посмолить сигарету, как некоторые сегодняшние тинейджеры, а заниматься спортом с друзьями. Двор для мальчишек тогдашнего послевоенного поколения был второй школой. Только школой жизни. Они выросли быстрее, чем нынешние подростки, с детства приучаясь к самостоятельности.

«На меня в жизни большое влияние оказали мальчишки из нашего двора в Кирово-Чепецке. Впрочем, сейчас многие из них уже стали дедушками. Двор у нас очень спортивный был: любили в хоккей погонять, в волейбол поиграть, в футбол, – признается Александр Мальцев. – Меня часто спрашивали в свое время: как стать великим хоккеистом? Дескать, нужно ли бегать кроссы, изнурять себя физическими упражнениями или, наоборот, больше внимания уделять технике, шлифуя мастерство обводки или броска? Я отвечал просто: игры, игры и еще раз игры. Желательно как можно больше и разнообразнее в те славные детские годы, когда у тебя хватает сил и ты переполнен азартом. Игра в футбол, баскетбол, теннис хоть и займет больше времени, но пойдет на пользу мальчишке, который хочет стать великим хоккеистом».

Хоккей так слабо развивался в те годы, потому что у ребятшек, в него игравших, особенно в провинции, не было ни

настоящих клюшек, ни коньков, ни шайбы. Клюшки порой мастерили сами из кусков толстой проволоки, в хоккей, как говорили, «играли на ногах» – в валенках или зимних ботинках с приклеенной резиновой подошвой, чтобы не скользили. Ну а шайбу часто заменяла консервная банка. Но от этого их игры становились потрясающе азартными!

«На коньки, которые мне смастерил отец, надев на валенки полозья, я впервые встал лет в шесть, – вспоминает Александр Мальцев. – У нас действительно был хороший и дружный двор. Мы расчищали свободное пространство во дворе от снега и заливали некое подобие хоккейной коробки. Сами чистили лед от сугробов. Гоняли шайбу до десяти, полонинадцатого вечера. Сделаешь уроки, отчитаешься родителям и обратно туда, на площадку».

В 1984 году, когда документалисты снимали в Кирово-Чепецке фильм о Мальцеве «Последний сезон», мама хоккеиста, Анастасия Степановна, вспомнила, что маленький Сашка сам лично носился с ведрами, полными воды, из своей квартиры на площадку. «Я ему говорю, – признавалась Анастасия Степановна, – Саша, ты что туда-сюда бегаешь, уже весь подъезд в воде, кто мыть-то будет? А он отвечал: “Мама, не беспокойся, сейчас площадку зальем, потом подъезд помою”. Возвращался и действительно всё мыл».

Близкие хоккеиста признаются, что Сашу Мальцева не останавливали суровые сорокаградусные вятские морозы, такая в нем была страсть к хоккею. «Мы не ходили в шко-

ду из-за трескучих морозов, у нас отменили занятия. Вдруг звонит Саша, дышит в трубку и вместо приветов задает всего один вопрос: “Покатаемся?” – вспоминал в фильме друг хоккеиста Александр Вылегжанин. – Я ему отвечал: “Покатаемся”. Приходим на каток, одетые во что только можно. Холодно так, что уши мягкие, как пластилин. Мы их растираем снегом. Морозы были такие, что когда мы попадали шайбой в борт со всей силы, она раскалывалась на две-три части».

Родные Мальцева вспоминают один эпизод, который случился, когда нашему герою было десять лет и он, помимо хоккея, а точнее, наравне с хоккеем, сильно увлекался футболом, будучи лидером местной городской команды своего возраста. В доме, где проживали Мальцевы, со стороны фасада, выходящего на городскую площадь, располагался магазин. А со стороны двора, куда приезжали разгружать товар для магазина, на первом этаже находились три окна склада, в ту пору еще не закрытые решетками. Если, как говорится, сложить по ширине все три окна, впрочем, разделенные дверью магазина, получались настоящие футбольные ворота.

Однажды Саша Мальцев, надев на голову свою любимую кепку «а-ля Яшин», с которой, он, стоя в воротах, редко разлучался, обратился к друзьям с необычной просьбой. Собрав несколько ребятшек, он поставил мяч возле своего, третьего подъезда (бывший дом семьи Мальцевых стоит «уголком»), а сам отошел к складу, располагавшемуся в десяти метрах напротив, между первым и вторым подъездом. «Ну,

чего стоите как вкопанные? Бейте мне по воротам», – командирским голосом заявил Сашка Мальцев.

«Какие же это ворота, Шурик? Там же позади тебя одни окна. Мы можем разбить их», – возразил кто-то из сверстников.

«Бейте, сказал, всю ответственность за разбитые стекла беру на себя!» – едва ли не приказывая, воскликнул Саша Мальцев.

«Только потом, спустя годы, я понял, что мой брат, который бесстрашно падал в тот день на асфальт, разбивая локти и колени, отлавливая все мячи, летящие в этот придуманный им створ ворот, тем самым воспитывал свой характер и умение противостоять самым трудным обстоятельствам. И хотя ребята старались не лупить по окнам, а немного жалели Сашу, били пониже, на уровне стены, для него все равно это было самое настоящее испытание на грани. Он понимал, что отступать ему некуда, как говорится, позади Москва», – признается мне Сергей Мальцев.

«Позже, я увидел, как проявлялось это качество, особенно в играх с родоначальниками хоккея в 1972 году. Когда после первых двух игр в Канаде многие подумали, что Мальцев ошеломлен невиданным давлением на него со стороны здоровых защитников, в третьей игре Саша дал понять, что не стушевался. Он сконцентрировался в тяжелой для него ситуации небывалой мощи игроков обороны и стал “возить” на льду канадских гренадеров, пользуясь их видимой непо-

воротливостью и своей собственной подвижностью, основы которой он так хорошо заложил в детстве», – заключает Сергей Мальцев.

Это поколение мальчишек вообще ничего и никогда не боялось. Великий игрок ЦСКА и сборной Константин Локтев, который, правда, был постарше Мальцева, вспоминал о послевоенных годах: «Зимой у нас в детстве любимой забавой было прыгать в снег с высоких крыш сараев, летом норовили выбрать местечко на берегу повыше и оттуда сигануть в воду или нырнуть со второго этажа во дворе. Летом делом чести считалось переплыть Москву-реку».

Родные и близкие Мальцева признают, что в детстве Саша любил сам придумывать различные упражнения, направленные на улучшение координации движения, не важно в каком виде «дворового спорта» он их показывал – в футболе, хоккее, настольном теннисе или баскетболе. Это тем более удивительно, что родители Мальцева спортом никогда не увлекались, да и в его роду по отцовской и материнской линиям никогда не было спортсменов и даже физкультурников. Все предки Александра Мальцева работали не разгибая спины, чтобы прокормить семью. Да и недюжинной физической силе у пацана взяться было неоткуда.

Щуплые, худющие, как футбольный вратарь восьмилетний Сашка Мальцев на чудом уцелевшей фотографии из детства – это поколение детишек, родившихся после войны. Хоть и не жили впроголодь, но постоянно испытывали чув-

ство недоедания, а уж о каком-то калорийном питании вообще не слыхивали. Но было у этих ребят одно ценное качество, которое вело их по жизни – они умели цепляться зубами в любой данный судьбой шанс и использовали его благодаря смелости, отваге и невиданному трудолюбию. Подавляющее большинство звезд советского хоккея в 1950–1980-е годы были выходцами из обычных рабочих семей, или, как любили говорить в то время, «из простого народа». Это дополнительно мотивировало ребят, заставляло их упорнее, чем другие обеспеченные сверстники, идти к намеченной цели – стать знаменитыми и классными игроками.

На заметку юным и начинающим спортсменам – Александр Мальцев несколько школьных лет в аттестате по итогам четвертей имел только отличные оценки и никогда не пытался объяснить учителям, что учеба мешает занятиям спортом. Хотя в разговоре со мной сам Мальцев дал понять, что не был «круглым отличником и каким-нибудь ботаником», а все рассказы о «красных» от отличных оценок его дневниках – лишь плод фантазии журналистов. Думаю, скромничает. Когда-то и он был отличником...

Уже после того, как он попал в Москву, на долгие годы за Мальцевым закрепилось прозвище «Малец» – производное от его фамилии. Так его начали звать в «Динамо», а потом спустя некоторое время и в сборной СССР. Так ветераны, вспоминая о его игре, иногда называют Мальцева и сейчас. И хотя уже через несколько лет, когда он стал ведущим

игроком двух этих команд, к нему уже обращались по имени-отчеству, сами спортсмены и болельщики, как правило, восторженно говорили именно о «Мальце».

Но мало кто знает, что первым детским прозвищем у Шурика Мальцева было странное слово «Шути». Сначала я думал, что это все же имеет хоть какое-то отношение к производному от его сокращенного имени Шурик. Потом мне объяснили, что на самом деле это сокращение от глагола «шутить». После того как Мальцев уехал в Москву, его детское прозвище постепенно забылось. Позже, когда друзья называли его так во время приездов домой, на рыбалку, он не обижался.

Саша Мальцев был острым на язык и любил повеселиться в детстве. В Кирове меня познакомили с удивительной женщиной, полной жизненных сил и оптимизма, несмотря на немолодые годы. Валентина Аркадьевна Клабукова работает в ведущей кировской детской спортшколе «Юность» и долгие годы хранит у себя одну любопытную фотографию: красивая светловолосая девушка, воспитатель спортлагеря, она стоит в окружении трех пацанов.

Мальцева на фотографии я вычислил сразу. Скорее, методом исключения. Но, как оказалось, попал в самую точку с первого захода, угадав его по озорным глазам. «Я была направлена в спортлагерь “Юность” при химкомбинате на практику, будучи восемнадцатилетней студенткой кировского пединститута. Всю смену, 21 день мы жили на воздухе,

хоть и в палатках, но не жалуясь на жизнь. Тогда наш Кировский спортлагерь был одним из самых хорошо обустроенных в стране, — вспоминает Валентина Клабукова. — Хочешь, играй в волейбол, хочешь, в футбол, хочешь, купайся в речке. Саша Мальцев вместе со своим приятелем по фамилии Сечкин выделялся из общей массы ребят. Был любознательным в хорошем смысле слова, быстро наладил контакт с воспитателями и спрашивал нас об учебе, о книжках, которые мы читаем. Он был настоящий “живчик”. Со стороны можно было подумать, что он озорник или даже сорванец. Но Саша был хорошо воспитан и никогда не переходил ту грань, которая отделяет “живчика” от хулигана. Чувствовалось, что он хорошо знает, что есть определенная черта, которую нельзя преступать. Мы все удивлялись, что Саша, который вырос в многодетной семье, где каждому ребенку трудно уделить достаточно времени, так хорошо воспитан».

Установив хорошие межличностные отношения с красивыми девушками-пионервожатыми, Мальцев быстро успел взять их в свои союзники. «Было видно, что ему мало времени, отведенного на игры, и совсем не требуется тихий час. Саша выделялся среди всех школьников, хотя это был обычный спортивный лагерь. И тогда Саша Мальцев с другом придумали собственную игру. Едва наступал этот “мертвый час”, который довольно строго контролировался старшими воспитателями, Саша вместе с Сечкиным прокрадывались к нам в палатку и мы, как настоящие конспираторы, шли,

согнув ноги в коленках, на гороховое поле, где, сидя прямо на земле, поглощали молодой горох. Они воспринимали это как отчаянную авантюру, наподобие похода в самоволку. А неугомонный Саша Мальцев, с трудом сдерживая шепот, чтобы нас не заметили, спрашивал нас с подругой о том, тяжело ли быть взрослым студентом. Расстались мы, уезжая из лагеря, настоящими друзьями», – с удовольствием вспоминает о тех славных временах Валентина Клабукова.

В спортивном лагере «Юность» имелось все для полноценного отдыха мальчишек. Настоящие армейские палатки с крашеным полом и кроватями, как в казарме, рядом волейбольная, баскетбольная площадки, аккуратно подстриженное футбольное поле. Тут же речка и просторные поля.

«Однажды в этой палатке ребята решили подшутить над Сашей, – вспоминает друг Мальцева Виктор Перетягин, директор ледового дворца в Кирово-Чепецке. – В брезентовой палатке были небольшие прорези окон, и ребята, ставя мяч в пяти метрах от них, соревновались, кто сможет попасть в это “окно”. Зная о том, что Саша Мальцев не может прожить без мяча и владеет им одинаково хорошо руками и ногами, пацаны поставили возле его кровати большую гирю. А тогда мячи практически не отличались от гирь по внешнему виду. Было уже темно, и Саша увидел этот, с позволения сказать, мяч и тут же ударил по нему. Хорошо, что пробил не на силу, не с носка, а технично, так называемой подсечкой. Хорошо, что отделался ушибом. Если бы со всей силы запулил

по такому “мячу”, не миновать бы перелома. Дня два он потом не играл в футбол. Зато на поле отомстил своим обидчикам-шутникам, обыграв команду, в которой они играли».

Поначалу в детстве Саша Мальцев действительно больше увлекался футболом. Мечтой местных мальчишек было попасть в детскую футбольную школу, носившую название «Труд». Сашке хотелось всего и сразу. В восемь лет он так просился погонять мяч с ребятами постарше (со сверстниками было уже неинтересно), что его приняли в команду, где играли девяти-одиннадцатилетние ребята, к тому же выше его минимум на полголовы. На известной фотографии того времени Саша стоит именно с ними. Щуплому, худому пареньку, мечтавшему о бомбардирских лаврах, пока не подрос, было трудно тягаться с защитниками. Были они и побольше, наглее и нахрапистее, чем он. В итоге самого маленького росточком Сашу Мальцева, пришедшего на стадион в кепке, прямо как у великого Яшина, мальчишки поставили в ворота. Больно шустрым, подвижным и прыгучим он им показался. Пусть тогда попрыгает, хоть и не дотягивается до перекладыны, рассудили старшие. Авось и подрастет.

Земляк Мальцева, знаменитый игрок и тренер Владимир Крикунов, человек с большим чувством юмора, до сих пор вспоминает, как однажды летом пару дней даже спал рядом с Мальцевым на сдвинутых койках – в лагере не хватало кроватей, и ребят укладывали вплотную друг к другу. «Это потом я говорил друзьям, что спал чуть не в обнимку с миро-

вой знаменитостью. Впервые я увидел Сашу Мальцева за два года до этого, когда оказался в спортивном лагере, куда он приезжал чуть ли не ежегодно в детстве, – вспоминает Владимир Крикунов. – По оживленному гулу мальчишек я понял, что на футбольном поле происходит нечто необычное. Мы подбежали к поляне и увидели, как небольшого роста паренек в кепочке, стоя в воротах, тащит все мячи, которые бьют примерно с линии штрафной в его створ ребята постарше. Было тогда Мальцеву около десяти лет».

«Талантлив Саша был феноменально. Я не видел в игре Боброва, но могу смело утверждать, что такого таланта, как Мальцев, среди советских хоккеистов не было. Это был самый одаренный игрок из всех, кого я видел своими глазами. Помимо хоккея, он мог бы дорасти до самых больших высот в любом игровом виде спорта, – признавался мне Владимир Крикунов, который начал играть в одной детской футбольной команде с Мальцевым еще в конце 1950-х. – Один эпизод, когда он стал постарше, и вовсе поразил меня. Саша хоть и играл в полузащите, но однажды встал в ворота, пытаясь отразить пенальти. В каком-то невероятном прыжке, что говорит о его необычной координации движений, он все-таки отбил мяч, пущенный с одиннадцатиметровой отметки в самый угол ворот. Причем, оттолкнувшись одной ногой, в падении, и уже отразив удар, умудрился перекувыркнуться через голову. Встал весь в пыли, но счастливый. Он мне напоминал в детстве этаким вечный двигатель, то есть

был мальчишкой, которому все время хотелось играть и совершенствоваться. Можно сказать, что он родился спортсменом, настолько талантлив был он во всех видах спорта, и не только в игровых видах, но даже в плавании! И все человеческие качества у него были направлены на преданность спорту».

Так Саша Мальцев набивал свои первые синяки и шишки. Был сначала вратарем, а когда подрос и немножко окреп, стал играть уже в поле за футбольную команду «Труд». Подхватив мяч, он метеором неся к чужим воротам, только его и видели у своей штрафной. Кстати, в футбольной школе, в команде своих сверстников Саша Мальцев был капитаном, хотя по росту был одним из самых маленьких. «В те годы футбольные команды, игравшие на первенство Кировской области, чередовались по возрасту. В один год в команду соединяли тех, кто родился в 1949 году, как Саша, и в 1950-м, как я. В следующем сезоне родившихся в 1950 году объединяли с ребятами на год моложе. И так по очереди. Вспоминаю, что в те годы, когда нас соединяли с Сашей и его сверстниками, наш футбольный клуб из Кирово-Чепецка всегда побеждал на первенство области. А на следующий год “мой возраст” каждый раз проигрывал команде кировского “Динамо”», – рассказывает Владимир Крикунов.

Он же вспоминает, что у них с Мальцевым существовал один футбольный секрет, своя фирменная домашняя заготовка, на которую попадались защитники противника. «Я иг-

рал центрального защитника, он – центрального полузащитника, ближе к нападающим. У нас с ним был уговор. Получив мяч, по возможности, при контратаке, дальним ударом метров на тридцать посылал его Саше, который стоял в окружении защитников. Он, выдвинувшись чуть вперед, на лету подрезал мяч ногой, и пока защитники думали, что к чему, быстро разворачивался, стремительно убежал от них, оказываясь один в ноль перед воротами соперника. Срабатывало неоднократно».

Евгений Душкин, ныне директор одной из самых крупных в Кирове детско-юношеских спортивных школ, вспоминает, как в Кировской области быстро разнеслась молва о необычайно талантливом пареньке, подрастающем в Кирово-Чепецке. «Область у нас маленькая, в детских командах, которые принимали участие в местном чемпионате, все друг друга знали почти наизусть. И вот к нам едет в гости чепецкая детская команда с тем самым загадочным новичком, о появлении которого так много говорили. Смотрю на него на разминке, ничего из себя не представляет, тоненький, худой, куда, думаю, ему до наших баталий, – вспоминает Душкин тот день, когда он впервые увидел в деле Мальцева. – Начинается игра, и этот едва ли не самый маленький на поле игрок начинает раз за разом “возить” игроков нашей команды. Появляется на всех участках поля, как говорится, Фигаро здесь, Фигаро там, и ни капельки не устает».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.